

Е.Э. Кривоносова

Мораль и проблема выбора в политике

Мы живем в условиях демократических перемен в политических институтах и отношениях, в политическом сознании и культуре граждан. Определенная прозрачность процесса принятия решений государственными структурами, острая конкуренция в ходе избирательных кампаний заставляет задуматься о ценностной основе данных политических явлений, о взаимодействии политики и морали. Несомненно, соотношение политики и морали определяется рядом факторов: типом общества, особенностями исторического пути нации, социокультурной средой, переживаемой эпохой. Пожалуй, и сегодня актуальны слова Д. Юма, «что наш мир еще слишком молод, чтобы можно было устанавливать многочисленные общие истины в политике, которые останутся справедливы и для дальнейших поколений... Еще неизвестно полностью, какую степень утонченности в добродетели либо же в пороке допускает человеческая природа; неизвестно и то, чего можно ожидать от людей в результате какого-либо грандиозного переворота в их образовании, обычаях или принципах» [1]. Тем более что мы делаем попытку ответить на вопрос, который веками ставил в тупик философов.

В истории политических учений вопрос о взаимоотношении морали и политики трактовался в различных аспектах, под разными углами зрения. Приведем варианты решения данной проблемы некоторыми мыслителями, которые активно занимались и исследованиями в области политической этики.

Так, по мнению Н. Макиавелли, политика есть воплощение свободной человеческой воли в рамках необходимости. Политику определяют не Бог и не мораль, а сама жизнь, человеческая психология, практические интересы, закономерности естественного общественного роста. Главной целью политики является захват и удержание власти, средства достижения которой выбираются по критерию их результативности. Обеспечить реализацию цели может и мораль, выступая, таким образом, в качестве эффективного средства политической стратегии. Такая посылка основана на убежденности Макиавелли в эгоистической, испорченной природе человека. Правитель обязан помнить, что все люди, хотя и в разной степени, неизменно злы. А потому он должен по возможности не отклоняться от добра, но при необходимости решительно вступить на путь зла, должен быть вероломным, циничным, лицемерным, должен без колебания идти на предательство и клятвопреступление, если хочет сохранить государство и обеспечить политическую стабильность, если эти способы помогут достичь добра, превышающего зло, причиненное жестокими мерами. Макиавелли делит политические преступления на полезные и бесполезные, принимая первые как государственную необходимость и отвергая вторые. Нормативного значения мораль для государя не имеет, если речь идет об общем благе. Государь выше закона и морали, которые воплощают его волю. Оценивать действия правителя с точки зрения моральных стандартов не позволительно. Основанием для характеристики деятельности правителя может быть только ее успешность. Результат оправдывает средства, которые внеморальны. Таким образом, Макиавелли разделяет политику и мораль.

Т. Гоббс, как и многие мыслители Нового времени, апеллировал к человеческой природе, делая ее отправным пунктом правомерности идей «естественного права», «общественного договора». По мнению Гоббса, люди от при-

роды подвержены жадности, гневу, зависти, жажде славы, честолюбию, в чем проявляется их эгоизм. Эти отрицательные моральные качества объявляются Гоббсом извечными и неискоренимыми.

Естественные законы, содержащие моральные требования, обозначают лишь возможность, свободу что-либо делать или не делать, а следовательно, не способны вывести людей из состояния всеобщей войны и противоборства. Сделать их безусловным императивом поведения может только сила – принудительная власть государства. Превращая моральные (естественные) законы в гражданские, Гоббс фактически устранял регулятивную функцию нравственности, вернее объявлял ее недействительной без опоры на авторитет государства. Тем самым государство становится высшим судьей в вопросах нравственности: «Только в государстве существует всеобщий масштаб для измерения добродетелей и пороков» [2]. Иными словами, регуляторами общественной жизни моральные требования могут быть постольку, поскольку они санкционируются государственной властью, которая единственно может решать вопрос о том, что есть добро и зло. Подданные не могут осуждать действия суверена и тем более его наказывать, протестовать против его установлений. Верховная же власть не несет какой-либо ответственности за свои действия перед подданными и не обязана отчитываться за эти действия перед ними, поступая, как считает нужным, ни в чем не завися от своих подданных.

В отличие от Гоббса И. Кант исходит из представления о человеке как моральном существе. Каждый способен сам установить для себя нравственный закон для себя, принимая за добродетель действия, не наносящие ущерба собственной моральной свободе и свободе других, действия в соответствии с категорическим нравственным императивом. Мыслитель пытался придать нравственному императиву определяющее значение по отношению к социально-историческим идеалам и деятельности по их воплощению. Кант убежден в необходимости примата морали по отношению к политике и праву. Безнравственность властвующих вызывает у него недоверие. Кант считает целесообразным средством борьбы против этого зла «публичность», гласность при проведении политических акций. Принцип «публичности» для Канта – это критерий оценки политических действий с точки зрения нравственности, справедливости. Философ настаивал, что «истинная политика ... не может сделать шага, заранее не отдав должного морали» [3], советовал политикам избегать ситуаций, когда ложь более нравственна, чем правда.

Кант указывал на кардинальную цель всемирно-исторического процесса, «высшее политическое благо» – заключение вечного мира, без чего войны грозят своими опустошениями уничтожить достигнутую степень цивилизации. Международная политика должна строиться на универсальных принципах мирного урегулирования конфликтов, мирного сосуществования, взаимного доверия. Вечного мира можно достичь при условии, что вопрос о войне решается всеми гражданами, которые «хорошенько подумают, прежде чем начать столь скверную игру, ведь все тяготы войны им придется взять на себя...» [3, с. 17] Вечный мир возможен также при условии обеспеченности в государствах внутреннего мира, когда неизбежные противоречия разрешаются посредством права, а не силы. В целом стремление Канта насытить политику нравственными принципами, устранить ее наличную бесчеловечность было прогрессивным в тогдашних условиях.

В отличие от Канта, Ф. Ницше в политике отдавал предпочтение насилию, нежели морально-правовым установкам, прославлял войну как источник государственности.

Для Ницше основным критерием значимости любого явления общественной жизни была «воля к власти». В этом качестве она выступает и в ницше-

анской моральной философии. «Что хорошо? – Все, что повышает в человеке чувство власти, волю к власти, самую власть. Что дурно? – Все, что происходит из слабости. ...Слабые и неудачники должны погибнуть: первое положение нашей любви к человеку. И им должно еще помочь в этом» – писал Ницше в «Антихристе» [4]

Мораль, по мнению Ницше, возникает как реализация чувства превосходства одних людей, «господ», над другими – «рабами». Значит, определяющие моральные понятия «добра» и «зла» – двусмысленны. Существуют два противоположных моральных способа видения мира. Оба типа морали вечны, перемешаны во всех цивилизациях, даже в одном человеке. Радикальное различие между ними заключается в следующем. В морали «господ» «хорошее» эквивалентно «знатному», «благородному», «душевно привилегированному», а «плохое» – «пошлому», «плебейскому», «низменному». В мире «рабов» нормативное служит «лишним», «случайным», «нищим духом и силою отребью» [4, т. 1, с. 735], достоинством является смирение, сочувствие, а безнравственным, злым трактуется то, что считается добром в морали «господ». Принципы «господской морали» провозглашаются философом исходными, «естественными» принципами распознавания «добра» и «зла». Как доказательство Ницше приводит этимологию слов, например, немецкое слово *schlecht* (плохой) тождественно *schlicht* (простой) [4, с. 418]. По Ницше, дуализм морали проистекает из природного неравенства людей, обусловленного различиями их «жизненных сил» и «воли к власти». Мораль «господ» основывается на силе, настойчивости, отстаивании своих прав. Мораль «рабов», напротив, основывается на слабости. Но «рабы» при этом пытаются навязать свой моральный кодекс «господам» путем объявления своих моральных ценностей абсолютными, «всеобщей перспективой», к чему философ относится резко отрицательно.

Для Ницше всякая мораль представляет собой необходимое насилие, тиранию над природой, т.к. дисциплинирование страстей и желаний сублимирует их в творчество, создание чего-то стоящего. Поэтому сильный человек со свирепыми страстями, особенно при наличии у него самообладания, делающего индивида способным положительно реализовать себя, предпочтительнее доброго христианина, которому сублимировать нечего, а значит, и создавать нечего.

«Смысл земли» – сверхчеловек – ответственен за свои действия только перед равными себе, он абсолютно свободен в поступках по отношению к «низшим», не связан никакими морально-правовыми нормами: поскольку «моральные предрассудки» подрывают «волю к власти», проповедуя любовь к ближнему и сострадание, их нужно отбросить. Это люди, которые «выказывают в отношениях друг с другом такую изобретательность по части такта, сдержанности, чуткости, верности, гордости и дружбы, – эти же люди за пределами своей среды, стало быть, там, где начинается чужое, чужбина, ведут себя немногим лучше выпущенных на волю диких зверей. Здесь они смакуют свободу от всякого социального принуждения; в диких зарослях вознаграждают они себя за напряжение, вызванное долгим заключением и огороженностью в мирном сожителстве общины; они возвращаются к невинной совести хищного зверя как ликующие чудовища, которые, должно быть, с задором и душевным равновесием, идут домой после ужасной череды убийств, поджогов, насилий, пыток, точно речь шла о студенческой проделке, убежденные в том, что поэтам надолго есть теперь что воспевать и восхвалять» [4 с. 427-428]. Наша ценность, по мнению Ницше, заключается в том, что мы можем стать этапом к сверхчеловеку. Для этого должно «преодолеть мораль», избавиться от всего слишком человеческого, что есть в нас.

К. Маркс требовал объективно-научного анализа общественных последствий действий власть имущих, а не ограничиваться нравственной оценкой субъективных стремлений, т.к. в политических отношениях индивидуальные нравственные качества могут терять свое первостепенное значение. Маркс выступал против «моралистических» суждений о ходе истории, против «абстрактной» морали, т.е. морали, автономной от требований социальной жизни, против внеисторического подхода к проблемам морали, рассматриваемой как атрибут человеческого общества «вообще». Он не считал мораль результатом договора, принятого независимо от социально-экономической обстановки и политической борьбы. Но указывал, что при этом нельзя доводить дело до полного поглощения морали политикой, до абсолютного подчинения моральных оценок общественных действий политической необходимости — это привело бы к уничтожению морали.

Исходным пунктом марксизма является признание объективной детерминированности социального процесса, что дает основание для определения морали и взаимодействия с политикой. В «Капитале» Маркс наглядно показал, как динамика экономического развития обуславливает появление нравственных норм и формирует соответствующие нравственные отношения и представления. Всякая мораль выражает законы общественной жизни при данных исторических условиях. Нет морали раз и навсегда данной, приемлемой для всех времен и народов. Моральные требования, обусловленные господствующими социальными отношениями, изменяются в соответствии с изменениями общественного бытия человека и понимаются разными классами по-разному, в зависимости от места этих классов в системе общественного разделения труда и отношения к средствам производства. Класс, который добивается политического господства, создает новую форму морали и делает ее обязательной для всех. А так как ни один эксплуататорский класс никогда добровольно политическую власть не уступал, то угнетенный класс неизбежно прибегал к средствам революционного принуждения, политического насилия с тем, чтобы переустроить общество на новых экономических и нравственных началах. Признавая классовую природу морали, Маркс указывал, что нравственным является то, что служит интересам передового, прогрессивного класса.

Маркс не отрицал существования и традиционных общечеловеческих моральных норм, которые вырабатывались в течение столетий и стали необходимым элементом в механизме функционирования любого общества. Философ пытался выявить диалектику взаимодействия классового и общечеловеческого в морали.

История политических учений, современные политические теории и практика позволяют выделить следующие модели взаимодействия морали и политики:

- Провозглашение примата морали перед политикой вплоть до полного подчинения последней нравственным канонам.
- Средством примирения морали и политики может служить только право. Законодательство, построенное в соответствии с нравственными принципами, выступает ограничительной силой по отношению к политической деятельности.
- Вопрос о нравственности политики выступает в форме дискуссии о соотношении целей и средств:
 - в политике моральными могут быть только цели, на уровне средств мораль и политика полярно различны. Морально порочные средства оказываются политически сильными при достижении морально возвышенной цели;

– цель ограничивает круг, в пределах которого политик может вести отбор средств и переступить его не вправе. Т.е. (им -) моральный абсолютизм цели оборачивается (им -) моральным абсолютизмом средств.

- Мораль и политика не соприкасаются, не имеют ничего общего. Поэтому давать нравственную оценку политическим событиям и лидерам нелепо.
- Апология аморализма политики, игнорирования ею моральных установок.
- Связь морали и политики опосредуется политической моралью, которая учитывает природу и специфику политической деятельности.

Следует отметить, что имманентными свойствами отношения морали и политики является его необходимость и противоречивость. Это противоречие в принципе не может быть «снято», стороны в принципе не могут быть примирены, равно как и не могут существовать друг без друга по причине своей функциональной недостаточности. Данное противоречие должно рассматриваться исторически. «Оно возникает и осуществляется при стечении определенных обстоятельств. Эти обстоятельства, складываясь эпизодически в контекстах иных эпох, стали атрибутами Современности, а потому именно для нее напряженное противоречие морали и политики стало «судьбой». Хотя данное противоречие не разрешимо в принципе, оно не может не разрешаться в конкретных политических актах, всегда протекающих в модусе «здесь и сейчас»... Однако политический акт, снявший в себе противоречие морали и политики, тут же воспроизводит его вновь в ближайших своих следствиях. Так проявляет себя природа необходимости противоречия морали и политики» [5].

Заметим, что последняя из вышеперечисленных моделей, по нашему мнению, наиболее корректна. Она указывает не на относительный характер морали, а на определенную несимметричность рассматриваемых явлений. Поскольку мораль и политика – два сектора, имеющие множественные серьезные различия и особенности функционирования, то сфера «политического» должна подвергаться этическому анализу, базирующемуся на критериях политической морали, которая, на наш взгляд, выражаясь математическим языком, находится с так называемой частной моралью в отношениях пересечения, т.е. имеет как много общего с ней черт, так и определенные различия. Приведем некоторые рассуждения, которые говорят в пользу того, что (приватную) мораль не всегда можно применить в политике, что оценивать действия политических субъектов исключительно с позиции (индивидуальной) нравственности не представляется возможным.

Как отмечал Ф. Энгельс, то, что справедливо с точки зрения морали, может оказаться далеко не справедливым в социальном плане. В политике часто оперируют иными категориями, чем в частной жизни. То, что в частной жизни называется «убийством», в политике называется «нанести большой урон неприятелю», «высшая мера наказания». То есть неестественно говорить об убийстве во время войны или по отношению к социально-опасному преступнику. Специфика политики – в применении насилия. Государство не может следовать евангельской заповеди непротivления злу насилием. Организованное насилие – политическое средство, наиболее трудно совместимое с (частной) нравственностью, т.к. направлено против человека. Вместе с тем общественная оценка разных форм насилия разная. Сравним: справедливая, оборонительная война, превентивные меры по отношению к террористам и агрессорам и захватнические военные действия. По существу речь идет о том, что морально не осуждается легитимное и ограниченное правом насилие.

С точки зрения морали безнравственно лгать. Но в политике иногда приходится использовать «хорошую» по меркам политической морали неправду или умалчивание информации в виде «лечебного средства», чтобы не посеять в массах панику, выиграть время для обдумывания верных шагов. Как

сказал один греческий мыслитель, правда – это крепкое вино, которое политику приходится разбавлять, чтобы не ударило в голову. Как это ни парадоксально звучит, но политик, в любых ситуациях говорящий правду, профессионально непригоден.

Политика органически связана с интересами и потребностями людей, которые порой реализуются нравственно сомнительными средствами. Уместно вспомнить Маркса, который заметил, что всякая идея посрамляла себя, как только отделялась от интереса. Видимо, и нравственные идеи, и принципы оказываются для субъектов политики при некоторых обстоятельствах второстепенными по отношению к материальным потребностям. Любой политик связан этикой ответственности, которая предполагает поиск эффективности политических действий, направленных на реализацию коренных интересов социальных общностей.

Для морали принципиальное значение имеет характер мотивов, добровольность поведения, прочность нравственных убеждений. (К слову, это указывает на то, что (частно-) моральной оценке подвергаются нравственные качества, уровень морального сознания человека; политическая же мораль не занимается анализом моральных качеств политиков и содержания побудительных мотивов их действий.) Политика направлена вовне, считается, прежде всего, с объективными фактами и результатами действий. А результат не всегда зависит от морально-волевых качеств человека. В силу тех или иных обстоятельств индивид иногда бывает не в силах предотвратить зло. Поэтому человек, руководствующийся благими намерениями, всегда остается честным с точки зрения (частной) морали, даже если его благие намерения не принесли желаемого результата. Чисто моральная цель и намерения в большинстве своем политически бессильны. Но это вовсе не означает, что политика в тактике исходит лишь из эффективности и доступности целей и средств, не заботясь об их моральной оправданности. «Несправедливость, жестокость, моральное принуждение, ложь, вероломство, обман, угнетение, попрание прав? Но ведь на улицах теперь так хорошо и чисто, а поезда ходят точно по расписанию» [6].

И потом, следует учитывать, что моральное действие возможно только в отрицательном варианте (по формуле «не делай зла»), т.к. в любом позитивном действии («твори добро») можно найти неморальные субъективные основания, которые подвигли человека к нему. Нравственно чистым может быть только поступок, который не совершен, несмотря на давление внутренних и внешних обстоятельств. Добро должно быть деятельным и одновременно скрытым, что и реализуется в (приватной) морали в отрицательных поступках, поступках, которых нет. В политике же бездеятельность, позиция стороннего наблюдателя, анахорета, скрытость «добрых» дел невозможны, поскольку противоречат сущности политики.

При политической оценке принимаются во внимание, прежде всего, совокупность общественных последствий конкретного действия, значение результатов действия для общества в целом. Важно отличать практическую целесообразность, необходимость того или иного действия и его моральную оправданность. То, что исследования в области ядерной физики чреватые опасными последствиями, не значит, что эксперименты будут прекращены. То же и в политике. Политическая деятельность – та область, где практическим оценкам должен отдаваться приоритет перед моральными суждениями.

Известный американский экономист и социолог Дж. Гелбрейт как-то сказал, что политика – это выбор между гибельным и малоприятным. Практически та же мысль выражена и Вацлавом Гавелом, который отметил, что в политике невыбор между двумя неидеальными альтернативами хуже, чем вы-

бор худшей альтернативы. Невыбор в политике – моральное зло, нередко более тяжелое, чем выбранное зло. Избегая этого зла, политика решает неразрешимые при ориентации на моральные абсолюты дилеммы.

Этика долга подразумевает повиновение долгу, несмотря ни на что. В политике случается, что за последствия исполнения долга платит не тот, кто долгу повинует. А если плата за исполнение морального долга перекадывается на плечи других – это аморально. Нельзя в политике следовать исключительно этике убеждения, пытаясь остаться нравственно чистым перед своей совестью, сохранить собственную моральную безупречность за счет других, за счет народа. Нужно заботиться о последствиях для общества своих «совестливых» поступков.

Возьмем аспект международных отношений. Дж. Даллес утверждал: «Общие принципы, которыми мы должны руководствоваться в международных делах, не являются чем-то туманным. Они произрастают из тех простых вещей, которым учил Христос» [7]. Можно ли ставить знак равенства между индивидуальной нравственностью и нравственностью государств? С точки зрения морали бескорыстие индивида, граничащее с жертвенностью – критерий высшей нравственности. Но государства, которые действуют в качестве представителей своего народа, не могут быть жертвенными. Это противоречит функциональному назначению данного политического института. Ему доверены благополучие и интересы общества. «Никто не имеет права быть бескорыстным, имея дело с интересами других людей» [7, с. 107]. «Текущие мероприятия правительства касаются миллионов живущих ныне и большинства из числа будущих поколений, тогда как последствия частных действий индивида обычно касаются лишь его одного или же ограниченного круга близких ему лиц», – подчеркивал Гамильтон [7, с.107].

Личностные моральные критерии довольно трудно применить по отношению к внешнеполитическим решениям и действиям. Не все международные вопросы поддаются моральной оценке, т.к. «отсутствует международный моральный консенсус, достаточно глубокий и прочный для того, чтобы на нем основывалась некая всеобщая и обязательная международная нравственность» [7, с. 110]. Международная политика должна строиться на неких универсальных принципах урегулирования конфликтов, разрешения общих проблем на принципах мирного сосуществования. Но практика показывает, что государствам договориться непросто: одни государства малы и слабы, другие – велики и сильны. Они имеют разные экономические системы, политические идеологии, национальные интересы. Наконец, существуют так называемые всеобщие-локальные нравственные предписания, которые являются действующими в рамках конкретной общности: что для одного государства свято, для другого оказывается достойным поправлением.

Все вышеизложенное ни в коей мере не умаляет значения (индивидуальной) морали в деятельности политических субъектов. Мораль остается одним из самых доступных способов осмысления людьми сложных процессов социального бытия. Различие оценок в политике и морали отнюдь не мешает тому, что в жизни обе сферы взаимодействуют. Невозможно вообразить абсолютный метафизический антагонизм между моралистом и реалистом. Ни один реалист не может полностью отказаться от понятий добра и зла, и никакой моралист не может полностью отделить этические соображения от политических.

Политик, усматривающий в морали лишь нечто внешнее, необязательное, которое следует принимать во внимание только если это выгодно, убивает в себе человеческую суть, нравственное достоинство личности. Забвение моральных принципов ради достижения какой-либо цели не ограничивается

нравственной гибелью субъекта действия, а влияет на политическое и моральное сознание членов общества, снижая их нравственный уровень, отрицая нравственность в индивидуальном и общественном сознании. Поэтому искусство политики предполагает умение предусмотреть моральные последствия политических действий. Полный отказ от требований морали пагубно сказывается на реальной жизни. Политика обязана быть приверженной общечеловеческим этическим нормам и ценностям, несмотря на то, что в ней действуют идеологически различные субъекты. В политике, где центральное место занимает человек, нельзя игнорировать «человеческое измерение», которое невозможно втиснуть в рамки теорий, моделей. В политике непременно присутствует ценностное начало, моральное измерение.

Хочется разделять оптимизм Хейзинги по поводу того, что «...оно (государство – авт.) никогда не потеряет из виду до конца ни христианских, ни общественных моральных норм под страхом гибели от последствий своего собственного отступничества» [6, с. 321].

ЛИТЕРАТУРА

1. Юм Д. Малые произведения. Эссе. Естественная история религии. Диалоги о религии. М., 1996. С. 56.
2. Гоббс Т. Избранные произведения. В 2 т. Т. 1. М., 1964. С. 261.
3. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 6. М., 1963-1966. С. 302.
4. Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., 1990. С. 633.
5. Капустин Б.Г. Критика политического морализма // Вопросы философии, 2001, № 2. С. 34.
6. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992. С. 312.
7. Шлезингер А. Циклы американской истории. М., 1992. С. 106.

S U M M A R Y

The article deals with analyzing of different opinions in the history of political and philosophical thought on the problem of correlation of morals and politics. It shows the character of choosing aims and means of their realization in the sphere of politics.

Поступила в редакцию 12.06.2003